

Н.А. Родионова

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Родионова Надежда Александровна – кандидат исторических наук, доцент Государственного университета – Высшей школы экономики.

Для граждан государства Российского значимость семьи и детей была традиционно высока, ценности семьи доминировали над ценностями индивидуализма. В отличие от Западной Европы в России социокультурная традиция высокой рождаемости сохранялась вплоть до XX в. В ходе реформ 90-х годов трудности адаптации значительной части населения к новым социально-экономическим условиям жизни сказались на развитии института семьи, повысив индивидуализацию и атомизацию членов семьи, изменив репродуктивные установки россиян. Низкая европейская рождаемость и высокая африканская смертность, характерные для России с 90-х годов, поставили страну перед угрозой депопуляции.

Культуры разных народов формируют свои модели мужского и женского поведения, свои брачно-семейные стереотипы. Известно, что русская культура относится к культурам феминного типа, ориентированным на приоритет духовных ценностей, в которых женщина (особенно женщина старшего поколения) играет важную роль в семье. О роли женщины-матери в русской культуре свидетельствует тот факт, что материнский образ использовался как аллегория Родины и нации. Женское воспитание в России преследовало цель подготовить девочку к выполнению роли матери и хозяйки в доме. Семья, дом, семейный образ жизни занимали ведущее место в системе ценностей русских женщин. В доиндустриальной экономике семья играла ключевую роль и была основной производительной единицей. Велика была и ее социальная роль – социализация детей, призрение немощных и престарелых, реализация бытовых культурных функций. На протяжении всего XX в., как и во всех модернизированных обществах, семья в России становилась нуклеарной

и малодетной, что, однако, в небольшой степени меняло характер внутрисемейных отношений, которые главным образом основывались на патриархально-авторитарной системе с господством мужчины над женщиной, старших над младшими, т.е. строгой половозрастной иерархией семейной жизни и приоритетами семьи как целого над индивидуальными запросами и интересами ее членов [15, с. 167].

В ходе социально-экономической трансформации изменилась нормативно-ценностная база взаимоотношений мужчин и женщин, взрослых и детей, претерпели изменения взгляды россиян на социальную роль женщин и сущность супружеских отношений, произошло ослабление их репродуктивной значимости. Рост значимости образования, личной свободы, карьеры и материального успеха, а главное – гедонистическая мораль молодого поколения, от которого во многом зависят демографические перспективы, обрушили ценности семейного образа жизни и деторождения. Профессиональная занятость, ставшая нормой поведения женщин, определяет ее жизненную стратегию. Стиль жизни с ориентацией на карьеру плохо соотносится с материнством и оказывается в прямом противоречии с заложенными природой биологическими задатками женщины. Мужчина же в этих условиях утрачивает усвоенное в результате научения, а не врожденное (и потому весьма хрупкое) поведение, на котором, как считает М. Мид, прочно основывается каждое известное общество – кормить женщин и детей [13, с. 181]. Изменение функциональных нагрузок в семье приводит к демократизации супружеских отношений. Современные психологи негативно оценивают последствия демократизации отношений в браке. Партнерские отношения между супругами приводят к сглаживанию ролевых различий в семье, пропадают эмоциональные стимулы для развития отношений, утрачивается стихия переживания, которая и составляет экзистенциальную страстность жизни. Подобные изменения эмоционального климата в семье не коррелируют с русским православным сознанием, для которого характерна эмпатия, эмоциональная насыщенность супружеских отношений, вплоть до исступления чувств [13, с. 181].

Если в традиционном обществе вступление в брак было обязательным компонентом мужской идентичности, бездетность и бессемейность взрослых людей были свидетельством их недостаточной гражданской зрелости, неготовности ко многим общественным функциям, то в настоящее время нивелируется ценность брака, происходит ослабление мотивации к деторождению у мужчин. Поскольку мужчина традиционно оценивается по своим внесемейным достижениям, любые социальные неудачи, вроде потери работы, снижают его семейный статус и переживаются очень тяжело. Сверхсмертность, шок смертности, испытанный населением России в 1992–1995 гг. (особенно касавшийся мужского населения), действует до сих пор. Исследования пока-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

зывают, что в сознании людей «вне брака» семья сохраняет значение одной из лидирующих ценностей, представляя идеал должного [11, с. 31]. Внебрачную рождаемость нельзя считать только российским феноменом. Высокая внебрачная рождаемость – признак стран, где секуляризация общества была наиболее глубокой. Так, в США только четверть внебрачных детей рождается в живущих в гражданском браке парах белых, у черного населения – 69% детей рождается вне брака и две трети живут с одним родителем. В Европе с 60-х годов число внебрачных детей возросло с 5–6% до 35–40% в настоящее время [7, с. 131].

Особенности историко-культурного развития России обусловили несоответствие многих существенных черт российской ментальности европейскому самосознанию. Суровые природно-климатические условия, рискованная геополитическая среда, в которой протекала жизнь русского этноса, определили стратегию выживания, основанную на терпении, способности довольствоваться малым, солидарности и сострадании к ближнему, готовности к самопожертвованию и доверии государству, обеспечивающему социальную защиту. Позднее эти существенные черты русского этноса были закреплены на ментальном уровне как установка национального сознания [17, с. 428]. Либеральные реформы 90-х годов, соответствующие иной ментальной доминанте, – приверженности ценностям индивидуальной свободы, которая обеспечивается правовым устройством социальной жизни и формирует в человеке рационализм, прагматизм, направленность к социальному и материальному преуспеванию – не соответствовали культурному коду России и усилили алкоголизацию страны, моральную допустимость абортов, размывание духовных основ общества, гедонизм, убеждение, что многодетность ведет к нищете, а отказ от рождения детей – к материальной обеспеченности, что в конечном итоге привело к срыву традиционных механизмов воспроизводства нации. В результате лихолетья перестройки и первых лет рыночных реформ рождаемость снизилась почти в 2 раза. После 2000 г. рождаемость начала расти, но вместе с ростом смертности. За период 1990–2005 гг. население страны сократилось на 4,191 млн. человек (2,8%). По мнению специалистов, 2009–2010 гг. – «точка невозврата», после которой наступят необратимые процессы, демографический коллапс [2, с. 68; 17, с. 314]. По прогнозам западных экспертов, население России к 2050 г. в случае сохранения нынешней тенденции может составить от 50 до 80 млн. человек [21, с. 37]. Для нашей страны с громадной и во многих местах неуклонно пустеющей территорией, это национальная катастрофа.

Сокращение численности населения – это тенденция, характерная для всех европейских стран, но о двух или даже трехкратной убыли там речи нет. Уровень рождаемости упал ниже уровня воспроизводства не только в странах с протестантской культурной традицией, но и в католических, и в странах

Востока (Япония) следующих западным образцам жизни. Католические страны, способные поддерживать традиционные нормы морали, не допускают всплеска рождения детей вне брака, но не в силах остановить общее падение рождаемости.

Семья разрушается, граждане репродуктивного возраста в качестве ценностных ориентиров предпочитают карьерный рост и материальное благополучие, часто отказываясь от детей и полноценной семейной жизни. По данным ВЦИОМ (Всероссийского центра изучения общественного мнения), среди главных жизненных целей мужчин и женщин семья и дети находятся на втором месте после материального благополучия [2, с. 63]. Кризис семьи проявляется в падении нравственно-этических норм и изменении устоявшихся представлений о семье, нестабильности браков, превращении в норму и росте числа неполных семей, снижении роли семьи в социализации детей.

Современная нуклеарная семья лишена экономических функций, ее социальная роль в XX в. практически свелась к репродуктивной функции, при этом и с этой функцией семья не справляется. Процесс планирования семьи приобретает все более рациональный характер. Если в 1991 г. среди вступающих в брак россиян не было ни одного, кто сделал выбор в пользу сознательной бездетности, то в 2000 г. 6% женщин и 3% невест, вступающих в первый брак, были ориентированы на бездетность [14, с. 117].

Нуклеарная семья распадается: растет число разводов, осуществляется переход от брака к сожительству и от деторождения в семье к деторождению вне семьи или бездетности. Сожительствующие пары заведомо не готовы к пожизненному партнерству. В России с началом либеральных реформ утрачивается ценность семьи: сегодня из 34 супружеских пар каждая десятая проживает без регистрации брака. В последние десятилетия число детей, рожденных вне брака, выросло в 3 раза по сравнению с началом 70-х годов [16, с. 121]. С 1995 г. количество детей, родившихся вне брака, возросло с 13 до 30 % – около 400 тыс. ежегодно. Еще 400 тыс. детей ежегодно остаются в неполных семьях в результате развода родителей [17, с. 428]. Государство вместо защиты полноценной семьи берет на себя функции отца, желающего избавиться от ответственности, связанной с семейными отношениями, и предоставляет средства на воспитание потомства в распавшихся семьях. Эта роль не может быть исполнена государством достойным образом, поскольку отцовство никогда не сводится только к материальному обеспечению семьи [10, с. 136]. Опыт Франции и Швеции показывает, что попытки государства проводить политику поощрения рождаемости за счет субсидий на каждого ребенка, длительного материнского отпуска на новорожденного оказались малопродуктивными. Подобная политика отнюдь не способствует восстановлению нормального типа семьи, ответственность за которую несет прежде всего мужчина. Демографическая политика государства не должна опираться

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

только на поддержку многодетных семей, которых очень мало. Главная задача – стимулировать граждан к рождению не только второго, но и третьего ребенка, причем там, где демографический кризис наиболее жесток – в русских областях. Что касается планирования семьи, т.е. отказа от рождения детей и поощрения абортов, то это пагубная практика, ведущая не только к уменьшению численности населения страны, но и к его нравственной деградации.

В соответствии с законом «духовно-демографической детерминации» существует прямая зависимость между нравственно-эмоциональным состоянием людей и ростом рождаемости [4, с. 52; 1, с. 12].

Как подчеркивалось выше, реформирование российского общества дезориентировало население в социальном пространстве, подорвало основной социальный механизм, посредством которого социальные ценности транслируются от поколения к поколению, – семью. Западные материально-потребительские и индивидуалистические стандарты вступили в противоречие с ценностями русской традиционной культуры, с ее цивилизационно-ценностным генетическим кодом, ввергли людей в мотивационно-смысловой хаос. Если деятельность западноевропейского человека целерациональна, направлена на получение результата, то в России преобладает ценностно-рациональная ориентация трудового этноса¹. Ценностно-рациональный архетип целеполагания, характерный для русских, в ходе реформ вытеснялся западным целерациональным, направленным на материальные достижения.

Снижение регулятивной роли нравственного идеала, нарушения фундаментальных нравственных принципов (в силу их ключевой роли в функционировании общества) чреваты угрозой самому выживанию общества. Специалисты, изучающие причины наблюдаемой ныне устойчивой естественной депопуляции страны, на одно из первых мест ставят утрату людьми ценностных ориентиров в существующих непредсказуемых условиях, моральную дезорганизацию общества, что сказывается на репродуктивных установках людей [20, с. 126]. Известно, что в ходе модернизации восточных сообществ, где учитываются традиционные семейные ценности, нуклеарная семья остается стабильной, внебрачная рождаемость – минимальна.

Несмотря на необычайную витальность русского этноса, рост смертности, падение продолжительности жизни, резкое снижение доли здоровых людей среди молодежи, возвращение уже изжитых болезней – есть чисто

---

1. Ценностно-рациональный тип действий основан на «вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет, а целерациональное поведение имеет ярко выраженную направленность на расчет и выгоду (рациональное соотношение “условий”, “средств” и “целей”» [3].

биологические проявления саморазрушения [20, с. 129]. По уровню смертности Россия вошла в число пяти наиболее вымирающих стран. Нарастающая тенденция массовой заболеваемости приближается к уровню гражданской войны. По количеству самоубийств (один из самых точных показателей качества жизни и состояния общества) Россия вышла на первое место в мире, в то время как Российская империя была на одном из последних мест (около четырех самоубийств на 100 тыс. населения в конце XIX в. – один из самых низких показателей в Европе) [9, с. 37]. Половина населения страны нуждается в психиатрической помощи [6, с. 16].

Россия заплатила и продолжает платить слишком дорогую цену за переход от одной социально-экономической системы к другой. Проведение либеральных реформ без учета социокультурных аспектов человеческого потенциала – особенностей менталитета граждан, связанного с процессом социализации в определенных национальных, конфессиональных и социальных общностях – привело к высокому уровню анонии, падению нравов, низкому уровню общественной солидарности, изменению репродуктивных установок населения. Сверхнизкий уровень рождаемости обусловлен и социально-экономическими проблемами, которые уже не одно десятилетие сотрясают российское общество. Ощущение падения уровня благосостояния является одним из наиболее мощных социальных стрессов, который по силе и длительности воздействия превосходит стрессы, возникающие во время стихийных бедствий. Среднее падение личного дохода на 10% влечет среди затронутого населения рост общей смертности на 1% и рост числа самоубийств на 3,7% [8, с. 126]. Россия уже давно занимает третью позицию по уровню самоубийств по классификации ВОЗ (высокий и очень высокий уровень самоубийств: свыше 20 человек на 100 тыс. населения) с показателем 39. Для сравнения: в конце XIX в. в России совершалось не более трех самоубийств на 100 тыс. человек [12, с. 13].

Многokратный разрыв в доходах достаточно обеспеченных и бедных является источником постоянного социального напряжения и дезинтеграции общества. Низкий уровень жизни, отсутствие гарантий, утрата уверенности в завтрашнем дне и страх за будущее своих детей рождаемость не стимулирует.

Сегодня уже около половины населения страны хотели бы уехать из России с разными целями, причем в группе до 30 лет доля таковых еще больше. Навсегда хотели бы уехать 13% россиян. Это в 2 раза больше, чем десять лет назад. Еще 35% хотели бы уехать на заработки [5, с. 114]. Желание более трети всех работающих превратиться в гастарбайтеров – свидетельство неблагополучия нашего общества.

По данным социологических исследований, численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2010 г. составила 18,6 млн. человек, что составило 13,2% от общей численности населения, что,

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

даже по официальным данным, эквивалентно населению средней европейской страны. Объем потребления мяса, рыбы, овощей и фруктов отстает не только от норм, принятых в развитых странах, но и от норм бывшего СССР. В 2008 г. (т.е. в период пика мировых цен на нефть) в России прожиточный минимум населения оценивает в 2 раза выше его официального уровня, при этом 21,8% населения едва сводит концы с концами и их доходов не хватает даже на еду, еще 40,5% балансируют на грани абсолютной бедности, им хватает средств на еду, но не хватает на одежду. Более трети населения России живет за порогом или на грани бедности, а 7% находится в состоянии крайней бедности, глубокой нищеты. За годы реформ реальная заработная плата в России снизилась почти в 2,5 раза, среднедушевой доход – в 2 раза [18, с. 41–42]. Все это свидетельствует о том, что уровень жизни россиян «запасом прочности» не обладает [19, с. 88].

Оставляет желать лучшего и психологическое состояние русских, демонстрирующих наименьший репродуктивный потенциал по сравнению с другими этносами России. Это результат воздействия СМИ ельцинского периода, когда народу, выстрадавшему негативный опыт коммунистического эксперимента, навязывалась заниженная самооценка, принижались его исторические традиции.

Все же, несмотря на негативные тенденции в демографической сфере, в России по-прежнему сохраняется моральный авторитет брака перед внебрачным союзом. Две трети россиян вне зависимости от пола, возраста, уровня образования и материального положения демонстрируют ориентацию на официальный брак, и значительная доля населения хотят иметь двоих-троих детей [2, с. 68], т.е. пессимистические оценки и прогнозы ценностной динамики российского общества не имеют под собой социальной основы. Однако качественное ухудшение социально-демографического потенциала в России за годы реформ вело к снижению жизнеспособности общества. Редуцированные репродуктивные установки части молодых россиян подтверждают пессимистические прогнозы относительно демографического будущего России. Необходима эффективная семейно-демографическая политика, направленная на возрождение семейных ценностей, повышение социального статуса и престижа многодетной семьи, формирование у молодежи репродуктивных установок и условий для их реализации. Социокультурные традиции высокой значимости семьи и детей в России позволяют надеяться на преодоление демографического кризиса в стране.

Литература

1. Багдасарян В.Э. К вопросу о формировании теории демографической вариативности как новой объяснительной модели демографических процессов. – М., 2006.

2. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян. – Социологические исследования. – 2006, № 11.
3. Вебер М. Основные социологические понятия. – М., 1996.
4. Гундаров И.А. Духовные причины демографических процессов / Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всероссийской научной конференции. – М., 2007.
5. Двадцать лет реформ глазами россиян. (Опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад Института социологии РАН. – Полис, 2012. – № 12.
6. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / ОНиС. – 2005, № 3.
7. Каримова З.Х. Жизненные ценности одиноких матерей. Социологические исследования. – 2007, № 6.
8. Кара-Мурза С. Интеллигенция на пепелище России. – М., 1997.
9. Кокшаров Н.В. Культура и этничность. – СПб., 1998.
10. Кон И. Зачем нужны отцы? – Звезда, 2006. – № 12.
11. Маховская О. Ироничная психология, или Психологи тоже женщины. – М.; СПб.; Киев, 2007.
12. Маякова Л. Кризис как прививка от суицида. – Независимая газета. – 2010. – 10 марта.
13. Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире. – М., 2004.
14. Панкратова В. Социальный и биологический аспекты родительства. – СоцИс, 2006, № 10.
15. Рабжаева М.В. Семейная политика России XX в.: Историко-социальный аспект. – ОНиС-32, 2004.
16. Российский статистический ежегодник. – М., 2001.
17. Савельев А. Образ врага. Расология и политическая антропология. – М., 2007.
18. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества. (К 20-летию экономических реформ). – СоцИс, 2012, № 1.
19. Тихонов А.А. Обладает ли «запасом прочности» уровень жизни россиян? – СоцИс, 2007, № 1.
20. Шишкин М.А. Биологическая эволюция и природа нравственности / ОНиС. – 2004, № 2.
21. Янов А.А. Россия против России: Итоги XX века. – Вестник МГУ, сер. 12. Социально-политические исследования. – М., 2003, № 1.